

Карл Шлегель

Привет из Мюнхена

Дорогой Арсений, я поздно узнал о том, что 30 марта ты собираешься отметить свой день рождения и что в этом году это будет круглая дата, но хорошо, что узнал. 70 лет – прекрасный, почтенный возраст, мне и самому почти столько же, и когда я рассказываю студентам, что представлял собой Советский Союз, то порой ощущаю себя таким Гомером XX века. Ведь эти молодые люди совсем ничего об этом не знают, все они пользуются мобильными телефонами и даже представить себе не могут, что было время, когда нужно было сперва три часа простоять в очереди на улице Горького у Центрального телеграфа, только чтоб позвонить в Западную Германию. Да и что такое очередь, они представляют себе очень смутно, конечно, если речь не идет о концерте Леди Гаги или о матче с участием «Баварии». Совсем другое дело мы. И особенно ты.

Сам я не смогу присутствовать на твоём юбилее. Но уверен, что это будет прекрасный вечер воспоминаний, ты будешь тронут, узнав, какие чувства к тебе питают друзья и коллеги. Я бы с удовольствием всех их послушал, и, быть может, это помогло бы мне понять, как родившийся в 1946 г. в городе Вельске Архангельской области Арсений Рогинский стал тем Арсением, которого мы все знаем и который на протяжении многих лет возглавляет этот «отряд стойких солдат», как я однажды назвал сотрудников «Мемориала», кто всегда начеку, если государство злоупотребляет своей властью над простыми людьми, кому «Мемориал» обязан всем, что у него есть: зданием, музеем, архивом, банком данных... Разумеется, мне кое-что известно о твоей жизни, например, о периоде в Тарту. Это было уникальное место, настоящий очаг свободы. В Тарту создавалась научная школа, формировалось академическое сообщество. По своему духу тартуские ученые принадлежали к поздней советской культуре, историю которой еще только предстоит написать. (Совсем недавно, когда я был в Таллине, мне в руки по чистой случайности попало давнишнее издание работ, посвященных творчеству Михаила Булгакова. Каково же было мое удивление, когда вдруг я обнаружил, что один из лучших комментариев к «Белой гвардии» о топографии Киева принадлежит перу А.Р.!) Если проследить, на какие годы пришлись предыдущие твои юбилеи, то сразу становится ясно, на каком историческом фоне проходили этапы твоего становления: в 1956-м ты отметил свое 10-летие, и в том же году Хрущев произнес свою речь на XX съезде; твое 20-летие в 1966 г. совпало с процессом против Синявского и Даниэля и с началом диссидентского движения; в 1976-м, когда тебе исполнилось 30, ты работал над самиздатскими сборниками, в частности над сборником «Память»; свой 40-й день рождения, в 1986-м, ты встретил в лагере как заключенный; в 1996-м ты отпраздновал свое 50-летие, и в эту пору «лихих девяностых» «Мемориал» стал важнейшим центром изучения истории и правозащитного движения. Потом были многочисленные премии и награды в России и за рубежом. Благодаря целому ряду интервью, которые я нашел, обратившись к базе данных Сахаровского центра, я многое узнал о твоей жизни в Ленинграде – о домашних арестах, становлении самиздата, о суде Октябрьского района и, наконец, о времени, проведенном в лагерях. Как раз сейчас в Мюнхене снова находится Гарик¹ – он приехал, чтобы забрать в архив библиотеку одного эмигранта, пока она не попала на помойку. Он тоже мне много рассказывал, и я попытался представить себе, что же тебе довелось пережить в Тарту, в Публичной библиотеке, в лагерях Мурманской области и республики Коми. Могу сказать, что студенческое движение, вьетнамские события и Пражская весна стали важнейшими переломными моментами моей жизни и жизни всего моего поколения, но, разумеется, путь, который прошли такие люди, как ты, был не в пример тяжелее и драматичней, чем путь моих соплеменников, поэтому, когда в 1970-е годы я встречался с Григоренко, Плющом, Копелевым, мне не всегда было легко найти с ними общий язык. Потом случилось грандиозное событие: началась перестройка, благодаря которой мы с тобой и познакомились. Уже не помню, где мы впервые встретились. Это было время перемен и открытий, и каждый день приносил с собой нечто небывалое. Ты и те, кто был с тобой рядом,

---

¹ Имеется в виду Габриэль Гаврилович Суперфин.

активно участвовали в происходящем, мы были вам за это безмерно благодарны, я говорю сейчас о тех, кто на Западе был равнодушен к судьбе советских людей.

На самом-то деле нам всем, кто столь многим обязан «Мемориалу» и тебе лично, следовало бы издать юбилейный сборник, как это принято в академической среде. Издание такого сборника издавна считалось данью уважения труду замечательных ученых, хотя сейчас некоторые считают эту форму несколько старомодной. Но я-то уверен, что такой сборник обязательно появится – быть может, когда тебе исполнится 75 или 80 лет. И уже сейчас совершенно ясно, какие темы там должны быть затронуты. Первым делом стоило бы рассказать о том, как боролись за историческую правду, ведь дело это не было легким, а иногда даже очень рискованным. И всегда вставал важный вопрос: как сделать так, чтобы те, кто до сих пор молчал, вдруг заговорили, а подлость и жестокость преступников стала бы очевидна. Отдельные главы будущей книги следовало бы посвятить борьбе за общедоступность архивов и профессиональной этике историка. Разумеется, говорить нужно не только о прошлом России, но и о ее будущем. Благодаря «Мемориалу», в становлении которого ты сыграл важнейшую роль, в постсоветской России были проведены исследования, которые для понимания истории сделали больше, нежели огромный государственный аппарат, занимающийся официальной версией истории, со всеми своими институтами, профессурой и издательствами. Историки всего мира, занимающиеся советской историей, пользуются архивами, базами данных и публикациями «Мемориала». Но не менее важно, что «Мемориал» – это еще и целое движение, настоящая школа гражданского мужества. И если к сегодняшней дате мы так и не смогли издать такой памятный сборник, то лишь потому, что мы все время смотрим вперед, что у нас еще очень много дел, и задачи, которые перед нами стоят, забирают все наши силы – мы вновь попали в то время, когда приходится обороняться: от цензуры, произвола, суда, отвратительной пропаганды и физического насилия. Еще десять лет назад я не мог и подумать, что такие времена могут вернуться. Но Бертольд Брехт, который, по-видимому, знал обо всем этом заранее, написал, что большому не всегда быть большим, а малому – малым², и эти слова должны придать нам мужества. В Америке есть прекрасное пожелание, которому я не могу найти соответствия ни в русском, ни в немецком языке: Take care! – Береги себя!

И мы все тебя будем беречь.

Карл из Мюнхена, Соня, которая только что вернулась из Берлина, и, конечно же, Аня, с недавнего времени помогающая с внуком в Берлине. Все мы тебя обнимаем и шлем приветы.

Мюнхен, 20 февраля 2016

---

² Строка из стихотворения Б. Брехта «Песнь Молдавии».